

Научная статья /
Research Article

УДК 821.133.1.0
ББК 83.3(4Фра)4

«ЗА ЧЕТВЕРТЬ ЧАСА ДО СМЕРТИ ОН БЫЛ ЕЩЕ ЖИВОЙ»: ЛИТЕРАТУРНЫЙ ОБРАЗ ЛА ПАЛИСА И ФЕНОМЕН «БЕСТОЛКОВОГО СТИЛЯ»

© 2021 г. К.В. Душенко

Институт научной информации по общественным наукам Российской академии наук, Москва, Россия

Дата поступления статьи: 04 февраля 2021 г.

Дата одобрения рецензентами: 09 апреля 2021 г.

Дата публикации: 25 сентября 2021 г.

<https://doi.org/10.22455/2500-4247-2021-6-3-72-95>

Аннотация: Ла Палис как литературный персонаж появился в анонимных куплетах «Смерть Ла Палиса», опубликованных в Париже в начале XVIII в. Песенный Ла Палис двойственен: это тип наивного простака, но также пародия на панегирический образ маршала Жака де Ла Палиса (1470–1525). Иронию ранних куплетов о Ла Палисе обычно объясняют простодушием будто бы сочинивших их в 1525 г. солдат либо искажением первоначального текста. В действительности эта ирония носит на себе отпечаток бурлескной поэзии XVII в. В 1715 г. литературный образ Ла Палиса был канонизирован Бернаром Ла Моннуа, автором термина *бестолковый стиль* (*style naïf*). «Бестолковый стиль», именуемый также *лапалисадой*, — это тавтология особого рода, которая, по удачному определению Клемана Россе, «на мгновение вызывает иллюзию различия». В XIX в. типично лапалисовская формула «если не умерли, то и поныне живы» зафиксирована в сказках различных народов Европы; взаимосвязь этих формул остается невыясненной. В статье рассматриваются также опыты освоения «бестолкового стиля» О. Голдсмитом и русскими переводчиками с XVIII в. до наших дней.

Ключевые слова: бурлескная поэзия, лапалисада, «бестолковый стиль», формулы сказочного фольклора, Ж. де Ла Палис, Б. Ла Моннуа, О. Голдсмит, В.А. Жуковский, братья Гримм.

Информация об авторе: Константин Васильевич Душенко — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт научной информации по общественным наукам Российской академии наук, Нахимовский проспект, д. 51/21, 117418 г. Москва, Россия.
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-7708-1505>

E-mail: kdushenko@nl.n

Для цитирования: Душенко К.В. «За четверть часа до смерти он был еще живой»: литературный образ Ла Палиса и феномен «бестолкового стиля» // *Studia Litterarum*. 2021. Т. 6, № 3. С. 72–95.

<https://doi.org/10.22455/2500-4247-2021-6-3-72-95>

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution 4.0 International (CC BY 4.0)

Studia Litterarum,
vol. 6, no. 3, 2021

“A QUARTER OF AN HOUR BEFORE HIS DEATH, HE WAS STILL ALIVE”: THE LITERARY CHARACTER OF LA PALICE AND THE PHENOMENON OF NIZY STYLE

© 2021. Konstantin V. Dushenko

*Institute of Scientific Information for Social Sciences
of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia*

Received: February 04, 2021

Approved after reviewing: April 09, 2021

Date of publication: September 25, 2021

Abstract: La Palis is a literary character that appeared in anonymous couplets *The Death of La Palis* published in the early 18th century. The image of La Palis in songs is ambiguous: he is both a naive simpleton and a parodic counterpart of the panegyric image of Marshal Jacques de La Palice (1470–1525). The irony of these early verses about La Palis is usually explained by the simplicity of the soldiers who allegedly composed them in 1525 or by the further distortion of the original text. In reality, this irony bears the imprint of the 17th century burlesque poetry. In 1715, the literary image of La Palis was canonized by Bernard La Monnoy, the author of the term *nizy style*. The *nizy style*, also called the *Lapalissade*, is a special kind of tautology that, as Clement Rosset aptly put it, “for a moment causes a hallucination of difference.” In the 19th century, the typically Lapalissian formula “if they did not die, then they are still alive” is recorded in the tales of various peoples of Europe; the relationship between these national formulas remains unclear. The article also examines the mastering the *nizy style* by O. Goldsmith and Russian translators from the 18th century to the present day.

Keywords: Burlesque literature, Lapalissade, formulas of the fairy tale folklore, the *nizy style*, J. de La Palice, B. La Monnoy, O. Goldsmith, V.A. Zhukovsky, brothers Grimm.

Information about the author: Konstantin V. Dushenko, PhD in History, Senior Researcher, Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences, Nakhimovsky Avenue 51/21, 117418 Moscow, Russia. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-7708-1505>

E-mail: kdushenko@nlm.ru

For citation: Dushenko, K.V. “A Quarter of an Hour before his Death, He Was Still Alive’: The Literary Character Image of La Palice and the Phenomenon of Nizy Style.” *Studia Litterarum*, vol. 6, no. 3, 2021, pp. 72–95. (In Russ.) <https://doi.org/10.22455/2500-4247-2021-6-3-72-95>

Имя 'Ла Палис' во французской культуре является нарицательным в значении «человек, изрекающий банальные, самоочевидные истины». Этот образ зародился из восьми строк песенки о маршале Ла Палисе.

Жак де Шабанн де Ла Палис (La Palice, также: la Palisse, 1470–1525) родился в замке Ла Палис, расположенном в регионе Овернь. Он участвовал чуть ли не во всех значительных войнах, которые вела Франция, прежде всего в Италии. В октябре 1524 г. французы осадили Павию (Ломбардия), а затем к городу подошла имперская армия. Битва 24 февраля 1525 г. закончилась полным разгромом осаждавших. Погибли 22 представителя французской знати, а еще 45 оказались в плену, включая короля Франциска I (подсчеты по спискам, приведенным в книге: [31, р. 618–620]).

Обстоятельства смерти Ла Палиса известны из сочинения испанского гуманиста Педро де Валлеса «История Фернандо д'Авалоса» (1555¹) [57]. Когда лошадь под маршалом была убита, он продолжал сражаться в пешем строю, пока не был схвачен итальянским кондотьером Джованни Кастальдо. Другой солдат имперской армии, испанец, прозванный соотечественниками «жестоким Басурто», позавидовал «цене и чести» такого пленника и, не сумев отобрать его, выстрелил в него в упор из аркебузы, прострелив кирасу насквозь.

По-французски сообщение Валлеса пересказал Франсуа де Беккариа, барон де Фуркево (ок. 1563–1611), посвятивший Ла Палису главу в «Жизнеописаниях великих французских полководцев» (опубл. в 1643 г.), а также Пьер Брантом (1540–1614) в «Жизнеописаниях знаменитых му-

1 Обоснование датировки: [28, р. 144].

жей и великих французских полководцев» (опубл. в 1666 г.) [34, р. 41; 30, р. 81–82].

Память о Ла Палисе в народе сохранилась благодаря песенной традиции. Самая ранняя песня о нем, обычно именуемая «Смерть Ла Палиса» (“Mort de la Palisse”), впервые увидела свет в 1717 г. Она состоит всего из двух строф.

1. Helas! Lapalisse est mort,
Il est mort devant Pavie!
Helas! s'il n'étoit pas mort,
Il seroit encor en vie.

Увы! Ла Палис умер,
Он умер под Павией!
Увы! Если б он не умер,
Он был бы жив еще.

2. Helas! qu'il eût bien grand tort!
De s'en aller à Pavie.
Helas! s'il ne fût point mort,
Il n'eût point perdu la vie.

Увы! До чего ж он ошибся,
Отправившись к Павии.
Увы! Не умри он там,
Он не утратил бы жизнь.

[27, р. 70–71]

Тогда же строки первого куплета стали популярной цитатой. В водевиле Алексиса Пирона «Кредит умер» (1726) один из персонажей напевает «Г-н Ла Палис умер», второй откликается: «Кредит умер [т. е. кончился]», а затем произносит другую строку из песни: «Увы! Если б он не умер!» [51, р. 173–174].

Второй пример взят из записок маркиза д'Аржансона (1694–1757); речь в нем идет о принце Луи Анри де Конде, герцоге де Бурбон (1692–

1740), и кардинале Флёрри, который в 1723 г. сменил де Конде на посту первого министра. «В день смерти г-на герцога [27 января 1740 г.] <...> мадам де Виллар и де Бузоль пришли сказать ему [кардиналу]: “Бедный г-н герцог умер”. Он повернулся к ним и сказал: “Г-н Ла Палис умер; увы! если б он не умер, он был бы жив еще”. Старая песня, дурное фиглярство; недостойное унижение принца, <...> смерть которого Его Величество оплакивал столь горестно, что занемог!» (запись от 31 января 1740 г.) [26, р. 136].

Дальнейшая история песни связана с именем Бернара Ла Моннуа (В. La Monnoye, 1641–1728), бургундского юриста, члена Французской академии. Отталкиваясь от двух куплетов «Смерти Ла Палиса», он написал 50 строф в том же роде, помещенных в третьем, расширенном издании сборника высказываний Жилия Менажа (1715). Здесь же Ла Моннуа ввел понятие «бестолкового стиля» (*style niais*) как особой разновидности бурлеска: «То, что, как мне кажется, можно назвать *бестолковым стилем*, таким, как стиль песни под названием “Славный ла Галис” (воображаемый персонаж), которую мы с удовольствием сочинили в пятидесяти нижеследующих катренах» [47, р. 384].

Все 50 строф построены по единой схеме. В каждом 4-м стихе либо другими словами утверждается то же, что в 3-м, либо приводится само собой разумеющееся условие того, о чем сказано раньше. При этом 4-й стих всюду выделен курсивом:

...Ни в чем нехватки не имел,
Когда ему всего хватало.

.....

И коли продал он свой дом,
Так у него тот дом имелся.

[47, р. 384, 386]

Термин “*style niais*” неоднократно использовался в позднейшей литературе, обычно в весьма размытом значении, далеком от интенций Ла Моннуа.

Клод Жоанне в «Основных началах французской поэзии» (1752), не используя термин “*style niais*”, приводит стихотворение Ла Моннуа в качестве иллюстрации именно этого стиливого приема: «Высказывание, которое ничего не сообщает, выражающее мысль, идентичную той, которую оно должно подтвердить, словом, не более чем явственно выраженная простоватость (*une simplicité bien marquée*), — такое высказывание может обратить мысль в бурлеск. <...> Эти бурлескные мысли <...> нравятся потому лишь, что являют нам нелепые образы» [42, р. 137].

Цитируя первый катрен стихотворения “*Le fameux la Galisse*”, Жоанне заменил имя персонажа на более привычное *La Palisse*. Эта замена, конечно, произошла раньше, в песенном бытовании. Так же поступили издатели I тома сочинений Ла Моннуа (1769), где стихотворение названо «Песней о славном Ла Палисе» (“*Chanson sur le fameux La Palisse*”) [44, р. 391–399].

Став песней, стихотворение Ла Моннуа подверглось сокращению и переделкам; в него начали вставлять куплеты, не принадлежащие автору. В 1770 г. в разделе «Бурлескные романсы» одного из альманахов появилась версия из 9 строф под заглавием «Смерть Ла Палиса»; здесь к катренам Ла Моннуа присоединен первый куплет ранней песни [49, р. 482]. Вариант из 12 строф (первая — также из ранней песни) был опубликован в сборнике «забавной и игривой поэзии» 1858 г. под заглавием «Апофеоз несравненно-го Ла Палиса» [29, р. 63–65].

Еще одна строфа, включавшаяся в стихотворение Ла Моннуа с конца XVIII в., содержит сразу два двустишия в «бестолковом стиле»:

Il est mort le vendredi,
Le dernier jour de son âge,
S'il fût mort le samedi,
Il eût vécu davantage

Он умер в пятницу,
В последний день своей жизни;
Умри он в субботу,
Он прожил бы дольше.

[45, р. 338]

Но наибольшую известность получила вариация первого куплета песни «Смерть Ла Палиса»:

Господин Ла Палис умер,
Он умер под Павией;
За четверть часа до смерти
Он был еще живой.
(Un quart d'heure avant sa mort
Il étoit encore en vie.)

Ранняя обнаруженная нами цитация знаменитого двустишия содержалась в журнале роялистского толка «Хроника манежа», который издавал в годы революции Франсуа Маршан (1761–1793). Здесь в сентябре 1790 г. появилась памфлетная «Речь над гробом бессмертного Лустало». Элизе Лустало, сотрудник журнала «Революции Парижа», умер в возрасте 28 лет; якобинцы носили по нем траур три дня. Маршан пародирует надгробные речи революционеров, доводя до абсурда их патетическую фразеологию и неумеренные похвалы покойному. Памфлету предпослан эпитафия с подписью «Ла Моннуа»:

Он был еще живой
За четверть часа до смерти.
[46, р. 1]

В словаре 1788 г. приведен пример плеоназма: «Поскольку у нас не было войны, совершенно ясно, что мы жили в мире. Это настоящий Ла Палис: *увь! не будь он мертв, он был бы жив еще*» [33, р. 183; указано в работе: 6, р. 21].

Оборот «настоящий Ла Палис» уже весьма близок к «истине [г-на] Ла Палиса», как стали говорить в XIX в. Ранний пример мы находим в книге Этьена де Жуи «Гвианский отшельник» (1817). Прочитывая четверостишие с заключительными строками «Когда сердце молчит — говорят, / И молчат, когда думает сердце», де Жуи замечает: «Автор этого катрена притворился глубоким и, несомненно, полагает, что открыл нечто иное, нежели истину г-на Ла Палиса» [43, р. 284].

В значении, точно совпадающем с «бестолковым стилем» в понимании Ла Моннуа, «истина ла Палиса» встречается в повести Фредерика Тома «Посольство птиц» (1843):

- Вам случалось когда-нибудь заблудиться?
- Иногда, — отвечал Дезорже, — и <...> обычно тогда, когда я не знаю дороги.
- Я сделал точно такое же наблюдение, — ответил посланник <...>, услышав истину, достойную выйти из уст Ла Палиса [56, р. 284].

Однако чем дальше, тем чаще выражение «истина [г-на] ла Палиса» стало употребляться просто в значении «общеизвестная истина». Именно в этом качестве используют его (обычно по-французски) русские писатели в конце XIX в.

В середине XIX в. появляется существительное 'lapalissade'. В русской литературе до сих пор нет стандартного соответствия этому термину. Встречались формы 'палисиада' [1, с. 427] и 'лапалисада' [5, с. 747 (комментарий)]. В последнее время преобладает форма 'ляпалиссиада', введенная Ириной Голуб [2, разд. 1.2.8] и принятая в русской Википедии. Она представляется нам неудачной, поскольку ассоциируется со словом 'ляп' (во французском это не так). К тому же имя, от которого образован термин, у нас обычно передается как «Ла Палис»; поэтому в данной статье принята форма 'лапалисада'.

Во французских словарях и научной литературе в качестве первой фиксации слова 'lapalissade' дается запись в дневнике братьев Гонкур от 13 сентября 1861 г.: «Подражание Иисусу Христу», жалкое чириканье, мистические лапалисады, инфантильная книжка, которая не говорит ни о чем» [40, т. 1, р. 961].

Однако к этому времени слово было уже хорошо известно. В книге Жана Коммерсона «Миллион дурачеств» (1854) приведена речь председателя «Французского общества <...> по разработке национальной глупости», где, среди прочего, говорится: «...на дне кастрюли, на уровне оливкового масла <...> (обратите внимание на лапалисаду)» [32, р. 7].

В сборнике громких судебных процессов (1857) приводится ответ свидетеля на вопрос судьи: «Если дело было ночью, стало быть, я не видел

его днем». Судья, пишет автор сборника, «усматривает в этой невольной лапалисаде неуместную шутку и кричит: “Вы тут острить вздумали?”» [34, р. 64].

В обоих этих примерах ‘лапалисада’ отсылает к «бестолковому стилю» песен о Ла Палисе, тогда как у братьев Гонкур это просто синоним банальности: «Флобер <...> раздражается <...> целым потоком свирепых и грубых лапалисад против *мещан*...» (дневник от 13 февраля 1878 г.) [40, t. 2, р. 1231].

Во французских словарях с конца XIX в. лапалисада (как и «истина Ла Палиса») определяется как трюизм, тавтология, банальная истина, утрачивая свое специфическое значение. В чем же специфика лапалисады, отличающая ее от других разновидностей плеоназма и тавтологии? По удачному определению французского философа Клемана Россе, тавтология «открыто повторяет то же самое», тогда как лапалисада «на мгновение вызывает иллюзию различия» [10; цит. по: 6, р. 32].

Бельгийский писатель и культуролог Жан Клод Болонь в своем обстоятельном исследовании об источниках образа Ла Палиса и «бестолкового стиля» замечает: «Бестолковый стиль находится на границе между фигурой мысли и фигурой речи: он окарикатуривает силлогизм, противопоставляя здравый крестьянский смысл педантичному рассуждению» [6, р. 30, 32]. Бурлеск был восстанием против схоластики; «когда же полемическая направленность бестолкового стиля исчезла, от него осталась лишь бестолковость» [6, р. 28].

Литературный образ Ла Палиса складывался на протяжении долгого времени. Имя Ла Палис ввел в литературу Рабле в 1552 г.:

— ...Обмотать монаха вокруг шеи — это значит кого-нибудь повесить и удавить.

— <...> Вы рассуждаете совсем как святой Жан де ла Палис («Гаргантюа и Пантагрюэль», IV, 16) [23, с. 489].

По разъяснению самого Рабле («Краткая декларация», 1552), Jean de la Palisse — синкопа имени Jean de l'Ar[oc]aly[p]se («Иоанн из Апокалипсиса»), а истинный смысл фразы: «Вы говорите темно и непонятно», как

св. Иоанн в Апокалипсисе. «Темно и непонятно» в данном случае относится к стандартной юридической формуле «повесить и удавить», которая в действительности не темна, а тавтологична [6, р. 22–23]. Хотя маршала звали не Жан, а Жак, имя Ла Палис должно было ассоциироваться с именем маршала: память о битве при Павии была еще жива.

Что же касается песни о смерти Ла Палиса, то в рукописных собраниях XVIII в. она датирована 1525 г. Однако эта дата совершенно условна: переписчики просто привязывали датировку к упомянутым в песнях событиям. В конце XVIII в. было высказано предположение, что песню сложили солдаты, участвовавшие в битве при Павии [43, р. 330]. На протяжении следующих двух столетий эта версия уже не подвергалась сомнению; она принята во всех комментариях к стихотворению Ла Моннуа, его переложениям и переводам.

В рукописных собраниях «Смерть Ла Палиса» соседствует с песней о пленении Франциска I («Когда король покинул Францию...») и «Песней о битве при Павии», в которой упоминается и Ла Палис: «Господин Ла Палис, а с ним Ла Тримуй, <...> / Единственной наградой им стала смерть» [30, р. 635]. Однако две последние песни — развернутые исторические баллады, в которых оплакивается поражение французской армии. «Смерть Ла Палиса» резко отличается от них как содержанием, так и стилем и состоит всего из двух шуточных куплетов.

Долгое время комментаторы видели тут проявление народного протодушия. Но с середины XIX в. стали появляться гипотезы, согласно которым ирония песни — следствие непонимания истинного смысла первоначального текста либо его искажения переписчиками. К началу XX в. эти гипотезы прочно утвердились в филологической науке. Так, комментаторы «Полного собрания сочинений» В.А. Жуковского сообщают, вслед за Н.О. Лернером, что стихи «За четверть часа до смерти он был еще живой» «первоначально означали только то, что командир сражался до последней капли крови» [18, с. 731].

Одна из версий была предложена совсем недавно, в 2010 г.: будто бы строка из «Смерти Ла Палиса» «он был бы жив еще» появилась в результате неверного прочтения эпитафии на гробнице маршала, разрушенной во время революции [8, р. 57]. Все эти гипотезы подверг убедительной критике Ж.К. Болонь [6, р. 5–15].

В куплетах о Ла Палисе личное имя персонажа опущено. В некоторых версиях он умирает от болезни, а не под Павией и, значит, не может быть отождествлен с маршалом [6, р. 21–22]. Аудитория, не сведущая в истории Франции, могла увидеть в герое куплетов слугу из фарсов, поскольку те нередко именовались по месту происхождения: “de Lapalisse” — «из Лапалиса», городка рядом с замком Ла Палис. Песенный Ла Палис — это «литературный персонаж <...>, вызванный к жизни историческим персонажем <...>, но с самого начала отличающийся от него» [6, р. 23–24].

Черты двойственности еще более заметны в образе, созданном Ла Моннуа. Многие строфы «Славного ла Галиса» содержат явные отсылки к биографии Жака де Ла Палиса, так что стихотворение может читаться как пародия на панегирические жизнеописания маршала. Ла Моннуа упоминает «старые сочинения, / Которые содержат его [ла Галиса] историю», а погибает герой в Ломбардии, «пронзенный жестокой рукой» (вспомним о «жестоком Басурто») и «оплаканый своими солдатами» [45, р. 390–391].

Образ простака Ла Палиса получил развитие в XIX в. В лубочных гравюрах Ла Палис — барин-сибарит в костюме XVIII в., умирающий в своей постели после обильного пиршества. «Он, несомненно, популярный персонаж, не имеющий уже ничего общего с героем Павии» [6, р. 22²].

Заглавный персонаж водевиля Шарля Анриона «Господин де Ла Палис» (1804) — помещик, «крайне наивный и глуповатый старик» [41, р. 2]. В 1854 г. парижский театр «Варьете» представил публике еще один водевиль под тем же названием (авторы: П.Ф.А. Кармуш, Э. Нион, А. д’Аврекур). Заглавный герой — барон де ла Палис, простак, постоянно попадающий в глупые положения. Под конец его уверяют, что он умер, и поют куплет со строками «За четверть часа до смерти / Он был еще живой». Русский рецензент водевиля недоуменно замечает: «Неизвестно, почему храбрый воин, маршал Франции, ратный товарищ короля-рыцаря Франциска 1-го сделался типом наивности и глупости, по милости поэта Ламонне (т. е. Ла Моннуа. — К.Д.). <...>. Впрочем, может быть, без песни имя Ла-Палиса было бы вовсе неизвестно» [21, с. 30].

В 1867 г. в газете “La Liberté” публиковался роман «Уколы шпагой полководца Ла Палиса» (“Les coups d’épée du Capitaine de La Palisse”). Автор,

2 Здесь гравюры датируются 1863 г., но гравюра на дереве “M. de la Palisse” появилась не позднее 1811 г. [36, р. 261].

популярный романист П.А. Понсон дю Террайль (Террай) (1829–1871), не завершил книгу. Закончил ее Шарль Шиншоль (в 1865–1870 гг. — литературный секретарь Дюма-отца); эта версия увидела свет в 1880 г. под заглавием «Приключения полководца Ла Палиса».

Эпиграфом к изданию 1880 г. служит катрен: «Господин де Ла Палис умер, / Он умер от болезни. / За четверть часа до смерти / Он был еще живой». Далее автор протестует против искажения облика великого полководца:

Его вставили в куплеты — и какие куплеты! Его высмеивали, над ним потешались. Из него сделали Калино³ средневековья. Лубочные картинки обратили его в пищу для детишек. Доблестный воин стал гротескной фигурой на потеху невеждам.

И песня, которая высмеивает его, подобна той, в которой мы отомстили побившему нас Мальборо⁴ [53, р. 1–2].

Эпиграф и процитированное выше вступление принадлежали Шиншолю; в газетной публикации начала романа (“La Liberté”, 16 июля 1865) ни того ни другого нет. Сам же роман повествует о «необычайной жизни и героической смерти» исторического Ла Палиса.

Имя Ла Палиса в ироническом плане упомянуто в романе Понсона дю Террайля «Обитатели Парижа», опубликованном в том же году, что и «Уколы шпагой...»: «...[Монах] сказал ему: жив человек, покуда не помер, что было обновленной истиной великого полководца Юга II де Шабанна⁵, сеньора де Ла Палиса» [52, р. 102].

В 1904 г. в Париже была поставлена опера-буфф «Господин де Ла Палис» (композитор Клод Террасс, авторы либретто Р. де Флер и Г.А. де Кайяве). Заглавный герой — барон Пласид де Ла Палис, дипломат эпохи Людовика XV, простоватый до крайности и до крайности робкий в отношениях с дамами. Композиторским дебютом Террасса была музыка к абсурдистской драме Альфреда Жарри «Убю-король» (1896), и его Ла Палис уже целиком

3 Персонаж одноактного водевиля Т. Барьера «Палки в колеса» (1854), позднее — персонаж клоунады.

4 Песня «Мальбрук в поход собрался».

5 “Hughes II de Chabannes”, вместо правильного “Jacques II de Chabannes”.

принадлежит эпохе модернизма. Опера переполнена цитатными аллюзиями — литературными и музыкальными, а действие являет собой абсурдное нагромождение анахронизмов.

Ж.К. Болонь указывает примеры лапалисовских мотивов в текстах XVII–XVIII вв., не связанных с Ла Палисом. В рукописном «Сборнике сатирических, забавных и исторических песен», составленном неким де Кастри (de Castries) предположительно в 1750-е гг., представлен ранний вариант двустушия «За четверть часа до смерти, / Он был еще живой»:

Доктора согласны
И вся Фармацевтика,
Что за два дня до смерти
Он был еще живой.

[6, p. 4]

В 1711 г. увидела свет «Надгробная речь Мишеля Морена». Это бурлескная пародия на панегирик государственному мужу и — что стоит отметить — полководцу: «Увы! <...> какая жалость и какая потеря для государства, что Мишель Морен не был на войне: его храбрость сделала бы его большим военачальником, да что там — главнокомандующим» [50, p. 6]. «Последнее деяние его жизни, доказывающее его великое сердце, его щедрость, его сноровку и почти полное бескорыстие», таково: он поспорил на бутылку вина, что достанет сорок с высокого вяза, и разбился насмерть, упав с ветки. Речь заканчивается куплетом, 1-я и 4-я строки которого взяты из «Смерти Ла Палиса» с заменой имени персонажа:

Увы! Мишель Морен умер,
Пытаясь достать сорок,
И не разбейся он насмерть,
Он был бы жив еще.

[50, p. 14]

Еще раньше, около 1693 г., Жан Шаплон (J. Chapelon, 1647–1694) сочинил на провансальском диалекте «Надгробную речь Жака Бель-Мина» (опубл. в 1779 г.). Пародийное завещание Бель-Мина заканчивалось эпитафией:

Смерть отняла его во цвете лет,
И не умри он, то пожил бы дольше
(Si-o ne fusse pas mort, ô viorit davantageou).
(цит. по: [6, p. 19])

Формулы, близкие к цитируемым выше, можно найти в гораздо более авторитетных текстах XVII в. В бурлескной поэме Поля Скаррона «Перелицованный Вергилий», кн. I (1648), читаем:

Он умер, бедный старик!
Вздумай он умереть попозже,
Он бы прожил подольше.
(S'il eût voulu mourir plus tard,
Il aurait vécu davantage).
[54, p. 22⁶]

Персонаж одноактной комедии «Траур» («Le Deuil», 1680) Ноэля Лебретона (Отероша), замечает: «...Конечно, ваш отец / Прожил бы дольше, если б умер позже» («De vivre plus longtemps s'il était mort plus tard») (цит. по: [6, p. 19]).

Отерош был ведущим актером театра «Бургундский отель», соперничавшего с труппой Мольера. Сам Мольер вкладывает в уста своего персонажа реплику:

...Не в силах я смотреть без сожаленья,
Как запеленут он в столь странном положенье.
Так скоро умереть! А утром был живой!
(«Шалый» (1653), II, 4⁷)

[20, с. 84]

6 Ж.К. Болонь приводит два других фрагмента из поэмы Скаррона, менее сходные с лапалисовскими формулами.

7 Указано (как и нижеследующая параллель у Плавта) в комментарии Л.С. Оше к Мольеру (1819) [48, p. 50].

Эта реплика, в свою очередь, восходит к комедии Плавта «Привидение», IV, 3. Цитируем диалог Симона с Феопропидом в пер. А. Артюшкова:

— На форуме что нового?
— Да есть. — А что такое? — Вынос видел я
Покойника. — Ох, вот так новость. — Вынесли
Умершего из дому, видел. Только что
Был жив он, говорили.

[22, с. 248]

Итак, ирония первоначальных куплетов о Ла Палисе — отнюдь не свидетельство простодушия солдат, сражавшихся при Павии; несомненна их связь с бурлескной поэзией. Можно предположить, что они появились во второй половине XVII в. как отклик на биографии маршала в книгах Фуркево и Брантома (1643, 1666). Заметим также, что Фуркево закончил свою биографию Ла Палиса стихотворной эпитафией со строкой «Он умер в день битвы» (“Il est mort un jour de bataille”) [34, p. 44].

Фольклористы давно обнаружили, что типично лапалисовская формула «если не умерли, то и поныне живы» зафиксирована — правда, уже в XIX в., — в сказках различных народов Европы, от Франции до России (например: [9, p. 264⁸; 3, с. 77]).

Самые ранние примеры, появившиеся в печати, содержатся в первом издании сказок братьев Гримм (1812): «И если они не перестали, то пляшут еще и теперь» («Свадьба госпожи Лисы», второй вариант); «И если они не умерли, то и теперь еще живы» («Птичий найденыш» — “Fundevogel”) [38, S. 179, 233]. Сказки других народов с этой формулой появились в печати лишь несколько десятилетий спустя.

Чтобы найти эту сказочную формулу на такой огромной территории в XIX в., замечает Ж.К. Болонь, соответствующая фольклорная традиция должна быть древней. «Не исключено, что успех французской песни распространил эту формулу как лесной пожар» [6, p. 25].

8 Здесь в качестве аналога этих сказочных формул приводится первый куплет песни «Смерть Ла Палиса».

Мы полагаем, что едва ли формула попала во множество сказок непосредственно из песни о Ла Палисе, практически неизвестной за пределами Франции вне образованного круга, знакомого с французским языком и литературой. Скорее можно предположить косвенное влияние через сборник братьев Гримм, широко разошедшийся в переводах и ставший образцом для последующих сборников сказочного фольклора. Братья Гримм, как и большая часть литераторов эпохи Романтизма, не занимались полевыми фольклорными исследованиями. Второй вариант «Свадьбы госпожи Лисы» записан со слов Людовики Бордис (урожд. Brentano), которая и сама писала детские сказки и стихи; а сказка «Птичий найденыш» — со слов Фридерики Маннель, женщины литературно образованной и говорившей по-французски [7, S. 434].

Адольф Глассбреннер, немецкий писатель середины XIX в., спародировал сказочную формулу (возможно, с оглядкой на «бестолковый стиль» Ла Моннуа): «Они стояли безмолвно, с открытыми глазами и ртом, и если не закрыли глаза и рот снова, то и теперь еще живы» («История о белоснежном голубе и великом визире» из сборника «Комическая “Тысяча и одна ночь”») [37, p. 71].

Первое переложение стихотворения Ла Моннуа на русский язык появилось в 1772 г. в московском журнале «Вечера» под заглавием «Житие славного Клеанта». Заключительная, 16-я строфа, вероятно, добавлена переводчиком; она содержит мораль, чуждую духу оригинала: «Найдем таких Клеантов много». Тем не менее в ряде случаев переводчик удачно передает «бестолковый стиль» Ла Моннуа:

Когда б не сочетался браком,
То не был бы еще женат.

.....

Когда глаза его сомкнулись,
Узнали все, что умер он.

[17, с. 462–463]

Переложение В.А. Жуковского в 15 строфах датируется 1814 г. Жуковский назвал его «Максим», по имени своего слуги, балагура и выпивохи. Здесь «бестолковый стиль» безупречно выдержан с начала до конца:

Никто б не мог сравниться с ним —
Когда б он был один на свете.

.....
И вечно прозой сочинял —
Когда не сочинял стихами.

.....
Когда ж, друзья, Максим умрет —
Тогда он, верно, жив не будет.

Некоторые строфы русифицированы Жуковским и, в сущности, сочинены заново:

Максим за пятерых едал,
И более всего окрошку;
И рот уж, верно, раскрывал —
Когда в него совал он ложку.

[19, с. 229–230]

Вариант из 12 строф, появившийся в 1858 г. (см. выше), перевел Всеv. Рождественский под заглавием «Похвала несравненному мессирu Ла-Палисс» (1988) [24, с. 197]. Стилистика оригинала выдержана здесь не последовательно; в этом отношении «Похвала...» уступает даже переложению 1772 г.

«Максим» В.А. Жуковского появился в печати ровно полвека спустя после написания («Русский архив», 1864, № 10), и эта переводческая удача осталась почти незамеченной. Русский читатель знакомился с «бестолковым стилем» скорее по переводам с английского.

В Англии анонимный перевод 18 строф стихотворения Ла Моннуа появился в 1823 г. под заглавием «Счастливец», причем героя, как и в ори-

гинале, зовут Ла Галис [55]. Несравненно большую роль в рецепции «бестолкового стиля» в странах английского языка сыграли бурлескные элегии Оливера Голдсмита; они многократно перепечатывались и вошли в круг детского чтения.

«Элегию на кончину миссис Мэри Блейз» Голдсмит поместил в издававшемся им журнале «Пчела» (1759, № 4). Большая ее часть представляет собой переложение из «Ла Галиса» с переменной пола главного персонажа, а финальное двустихие варьирует сквозной лапалисовский мотив: «Проживи она еще двенадцать месяцев, / Она бы не умерла сегодня» [39]. Четвертые строки всех семи строф выделены курсивом по примеру Ла Моннуа, что редко соблюдалось в позднейших публикациях.

«Элегия на смерть бешеной собаки» (ок. 1762) включена в роман Голдсмита «Векфильдский священник» (1766), гл. 17 [40, р. 175–176]. Здесь в стиле «Ла Галиса» выдержаны первые три строфы. На русский эта «Элегия...» переводилась не менее восьми раз, как в составе романа, так и отдельно.

М. Вронченко, автор первого перевода (1830), последовательно очищал оригинал от лапалисад. Там, где у Голдсмита сказано: “A godly race he ran, — / Whene’er he went to pray” (возможный перевод: «Ступал он праведным путем, / Когда ходил он на молитву»), у Вронченко читаем: «Все будни провождал в труде, / А в праздники молился Богу» [12, с. 58]⁹.

Я. Герд, автор первого русского перевода «Векфильдского священника», старался по мере сил воспроизвести «бестолковость» первых строф «Элегии...»: «Он тела нагого не мог не прикрыть, / Когда надевал свои платья» [13, с. 136]. То же можно сказать об «Элегии...» в издании романа 1893 г. в переводе Елизаветы и Екатерины Бекетовых [15].

В переводе В. Левика, сделанном для советского издания романа (1959), «бестолковый стиль» первых строф заметно сглажен [14]. Гораздо адекватнее стилистически перевод Алексея Парина (1988) [16]. В переводе Е. Фельдмана приметы «бестолкового стиля» всячески подчеркиваются:

9 В. Топоров, комментируя перевод М. Вронченко, отметил «сходство интонаций и некоторых ходов с известным стихотворением Жуковского “Максим”, 1814, напечатанным, однако, только в 1864 г.» [4, с. 179]. Это сходство, конечно, объясняется общностью французского образца.

Недлинен будет мой рассказ
(И, значит, будет краток).

.....

Скрывал он утром наготу
(Надевши, значит, платье).

[11, с. 80–82]

Что же касается оригинальной русской поэзии, то нам неизвестны сколько-нибудь заметные примеры ее обращения к «бестолковому стилю». Отметим, однако, строку из «крещенской баллады» Л. Трефолева «Таинственный ящик» (1883): «Ну, живы будем — не умрем...» [35, с. 141]. Возможно, к этой балладе восходит поговорка «Живы будем — не помрем!», получившая широкое распространение уже в XX в.

Список литературы

Исследования

- 1 Булаховский Л.А. Русский литературный язык первой половины XIX века. Лексика и общие замечания о слоге. Киев: Изд-во Киевского гос. ун-та, 1957. 491 с.
- 2 Голуб И.Б. Стилистика русского языка: учеб. пособие. М.: Рольф; Айрис-пресс, 1997. 448 с. URL: <http://www.hi-edu.ru/e-books/xbook028/01/index.html?part-003.htm> (дата обращения: 21.01.2021).
- 3 Рошияну Н. Традиционные формулы сказки. М.: Наука, 1974. 215 с.
- 4 Топоров В.Н. Пушкин и Гольдсмит в контексте русской Goldsmithiana': (к постановке вопроса). Wien, 1992. (Wiener Slawistischer Almanach. Sonderband 29). 222 с.
- 5 Ярхо Б.И. Методология точного литературоведения: Избранные труды по теории литературы / под общ. ред. М.И. Шапира. М.: Языки славянских культур, 2006. XXXII, 927 с.
- 6 Bologne J.C. La Palice avant La Palice: retour aux sources: Communication de Jean Claude Bologne à la seance mensuelle du 14 septembre 2019 // Académie royale de langue et de littérature françaises de Belgique [Network publishing]. 35 p. URL: <https://www.arlfb.be/ebibliotheque/communications/bologne14092019.pdf> (дата обращения: 20.01.2021).
- 7 Bolte J., Polivka G. Anmerkungen zu den Kinder- und Hausmärchen der Brüder Grimm. Hildesheim: G. Olms, 1963. Bd. 4. 487 S.
- 8 Fauquier M. Aux sources de l'Europe. Perpignan: Tempora, 2010. Т. 2: Les temps modernes. 475 p.
- 9 Prato S. Formules initiales et finales des contes populaires Grecs avec les références des contes néo-Latins // La Tradition: revue générale des contes, légendes, chants, usages et arts populaires. Paris, 1890. Т. 4, № 9/10. P. 257–267.
- 10 Rosset C. Le démon de la tautologie. Paris: Minuit, 1997. 96 p.

Источники

- 11 Английская комическая поэзия: От Шекспира до Бернса / пер. Е. Фельдмана. Харьков: Фолио, 2012. 237 с.
- 12 [Вронченко М.П.] Элегия на смерть бешеной собаки: (Из Гольдсмита) // Подснежник на 1830 год. СПб.: Тип. Департамента народного просвещения, 1830. С. 57–59. (Подпись: М.В.)
- 13 Голдсмит О. Векфильдский священник / пер. Я. Герда. СПб.: Тип. Э. Праца, 1846. XVI, 303 с.
- 14 Голдсмит О. Векфильдский священник / пер. Т.М. Литвиновой. М.: Гослитиздат, 1959. 231 с.
- 15 Голдсмит О. Вэкфильдский священник / пер. Елиз. и Екат. Бекетовых. СПб.: А.С. Суворин, 1893. 289 с.
- 16 Голдсмит О. Элегия на смерть бешеной собаки / пер. А. Парина // Прекрасное пленяет навсегда: Из английской поэзии XVII–XIX веков. М.: Московский рабочий, 1988. С. 53–54.
- 17 Житие славного Клеанта // Поэты XVIII века. Л.: Сов. писатель, 1972. Т. 2. С. 461–463.
- 18 Жуковский В.А. Полн. собр. соч. и писем: в 20 т. М.: Языки русской культуры, 1999. Т. 1 / ред. О.Б. Лебедева, А.С. Янушкевич. 759 с.
- 19 Жуковский В.А. Собр. соч.: в 4 т. М.; Л.: Гос. изд-во худож. лит., 1959. Т. 1. 480 с.
- 20 Мольер. Шалый, или Все невпопад / пер. Е. Полонской // Мольер. Полн. собр. соч.: в 3 т. М.: Искусство, 1985. Т. 1. С. 5–150.
- 21 Новости литературы, искусств, наук и промышленности // Отечественные записки. СПб., 1854. Т. 95, кн. 7. С. 1–68 (7-я паг.)
- 22 Плавт. Комедии: в 2 т. М.: Искусство, 1987. Т. 2. 800 с.
- 23 Рабле Ф. Гаргантюа и Пантагрюэль / пер. Н. Любимова. М.: Худож. лит., 1973. 783 с.
- 24 Семь веков французской поэзии в русских переводах / сост. Е.В. Витковского. М.: Евразия, 1999. 756 с.
- 25 Трефолев Л.Н. Стихотворения. Л.: Сов. писатель, 1958. 382 с.
- 26 Argenson R.-L. *de Voyer. Mémoires et journal inédit.* Paris: P. Jannet, 1857. Т. 2. 399 p.
- 27 Ballard J.-B.-C. *La clef des chansonniers ou recueil des vaudevilles.* Paris: Mont-Parnasse, 1717. Т. 2. 295, XIV p.
- 28 Bibliotheca Hispana: A Catalogue of Books. London: B. Quaritch, 1895. 250 p.
- 29 Bougy A. *de. Un million de rimes gauloises: Fleur de la poésie drolatique et badine depuis le XVe siècle recueillie, annotée et précédée d'une préface.* Paris: A. Delahays, 1858. XI, 559 p.
- 30 *Brantôme de Bourdeille P. Memoires <...> contenans Les vies des hommes illustres et grands capitaines François de son temps.* Leyde: J. Sambix, 1666. Т. 1. 417 p.

- 31 *Chabannes H. de*. Preuves pour servir à l'histoire de la maison de Chabannes. Dijon: E. Jobart 1892. Т. 1. 945 p.
- 32 *Commerson J.* Un million de bouffonneries, ou, Le Blagorama français. Paris: Passard, 1854. 506 p.
- 33 *Féraud J.-F.* Dictionnaire critique de la langue française. Marseille: Mossy, 1788. Т. 3. 852 p.
- 34 *Fouquier A.* Causes célèbres de tous les peuples. Paris: H. Lebrun, [1857]. Т. 1, livr. 16: Viol et Meurtre. Léotade (1848). 60 p.
- 35 *Fourquevaux F. Beccaria de Pavie, baron de.* Les vies de plusieurs grands capitaines François. Paris: J. Du Bray, 1643. 462 p.
- 36 *Garnier-Pelle N., Préaud M.* L'imagerie populaire française. Paris: Musée national des arts et traditions populaires, 1990. Т. 2: Images d'Epinal gravées sur bois. 468 p.
- 37 *Glaßbrenner A.* Komische Tausend und eine Nacht: Buntes aus dem grauen Alterthum und der gräulichen Gegenwart. Hamburg: Verlags-Comptoir, 1854. 254 p.
- 38 *Grimm J., Grimm W.* Kinder- und Haus-Märchen. Berlin: Realschulbuchhandlung, 1812. Bd. 1. XXVIII, 388, LXX S.
- 39 *Goldsmith O.* An Elegy. On the Glory of Her Sex, Mrs. Mary Blaize // *Goldsmith O.* The Complete Poetical Works. London; New York: Henry Frowde, Oxford University Press, 1906. P. 47.
- 40 *Goldsmith O.* The Vicar of Wakefield: A Tale. London: Carnan and Newbery, 1770. Vol. 1. 214 p.
- 41 *Henrion C.* Monsieur de La Palisse, comédie en un acte mêlée de vaudevilles. Paris: Barba, 1804. 28 p.
- 42 *Joannet C.* Elemens de poésie française. Paris: Compagnie des libraires, 1752. Т. 1. XXIV, 229 p.
- 43 *Jouy É. de.* L'hermite de la Guiane, ou Observations sur les mœurs et les usages parisiens au commencement du XIXe siècle. Paris: Pillet, 1817. Т. 2. 336 p.
- 44 *La Monnoye B. de.* Oeuvres choisies. Dijon; Paris: De Ventes, 1769. Т. 1. 484 p.
- 45 [*La Place P.-A. de*]. Pièces intéressantes et peu connues, pour servir à l'histoire et a la littérature / Par M.D.L.P. Nouvelle édition. Maestricht: J.P. Roux, 1790. Т. 7. 403 p.
- 46 *Marchant F.* Oraison funèbre de l'immortel Loustalot // *Marchant F.* Chronique du Manège. Paris, 1790. N° 20. P. 1–16.
- 47 Menagiana, ou les bons mots et remarques critiques, historiques, morales et d'érudition de M. Ménage, recueillies par ses amis. 3e édition, plus ample de moitié et plus correcte que les précédentes. Paris: Florentin Delaulne, 1715. Т. 3. 408 p.
- 48 *Molière.* Oeuvres / avec un commentaire <...> par M. [L.-S.] Auger. Paris: Desoer, 1819. Т. 1. 335 p.
- 49 Mort de La Palisse // Le Porte-feuille d'un homme de gout, ou, L'Esprit de nos meilleurs poètes. Nouvelle édition / [Composé J. de La Porte]. Amsterdam [без издателя] 1770. Т. 2. P. 482–483.

- 50 Oraison funèbre de Michel Morin <...> decedé le premier may 1711. Cologne: P. Marteau, 1713. 14 p.
- 51 *Piron A.* Credit est mort. Opéra-comique, en un acte. Mêlé de prose & de Vaudevilles.onné en 1726 // *Piron A.* Oeuvres completees. Paris: Lambert, 1776. T. 5. P. 123–184.
- 52 *Ponson du Terrail P.-A. de.* Les escoliers de Paris: Legende du pays latin. Paris: A. Faure, 1867. T. 1. 320 p.
- 53 *Ponson du Terrail P.-A., [Chincholle C.]* Les Aventures du capitaine La Palisse. Paris: C. Lévy, 1880. 339 p.
- 54 *Scarron P.* Le Virgile travesti. Paris: Librairie de la Bibliothèque Nationale, 1889. T. 1. 192 p.
- 55 The Happy Man // The Mirror of Literature, Amusement, and Instruction. London, 1823. Vol. 2. P. 392. Подпись: Edric.
- 56 *Thomas F.* L'ambassade aux oiseaux: [Une nouvelle] // Bibliothèque des feuilletons: recueil de romans, nouvelles et feuilletons. Paris, 1843. T. 3, Septembre. P. 257–331.
- 57 *Vallés P.* Historia del fortissimo, y prudentissimo capitan Don Hernando de Aualos Marques de Pescara. Çaragoça: Miguel de Çapila, [1555?]. VI, 156 p.

References

- 1 Bulakhovskii, L.A. *Russkii literaturnyi iazyk pervoi poloviny XIX veka. Leksika i obshchie zamechaniia o sloge* [Russian Literary Language of the First Half of the Twentieth Century. Vocabulary and General Comments on the Style]. Kiev, Izdatel'stvo Kievskogo universiteta Publ., 1957. 491 p. (In Russ.)
- 2 Golub, I.B. *Stilistika russkogo iazyka: Uchebnoe posobie* [Stylistics of the Russian Language: Textbook]. Moscow, Rol'f; Airis-press Publ., 1997. 448 p. Available at: <http://www.hi-edu.ru/e-books/xbook028/01/index.html?part=003.htm> (Accessed 21 January 2021). (In Russ.)
- 3 Roşianu, N. *Traditionnyye formuly skazki* [Traditional Formulas of Fairy Tale]. Moscow, Nauka Publ., 1974. 215 p. (In Russ.)
- 4 Toporov, V.N. *Pushkin i Gol'dsmit v kontekste russkoi Goldsmithiana'y: (k postanovke voprosa)* [Pushkin and Goldsmith in the Context of the Russian Goldsmithiana: Posing the Problem]. Wien, 1992. (Wiener Slawistischer Almanach. Sonderband 29). 222 p. (In Russ.)
- 5 Iarkho, B.I. *Metodologiia tochnogo literaturovedeniia: Izbrannye trudy po teorii literatury* [Methodology of Exact Literary Studies: Selected Works on Literary Theory], general ed. M.I. Shapir. Moscow, Iazyki slavianskikh kul'tur Publ., 2006. XXXII, 927 pp. (In Russ.)
- 6 Bologne, Jean Claude. *La Palice avant La Palice: retour aux sources: Communication de Jean Claude Bologne à la seance mensuelle du 14 septembre 2019*. Académie royale de langue et de littérature françaises de Belgique [Network publishing]. 35 p. Available at: <https://www.arllfb.be/ebibliotheque/communications/bologne14092019.pdf> (Accessed 20 January 2021) (In French)
- 7 Bolte, Johannes, Polivka, Georg. *Anmerkungen zu den Kinder- und Hausmärchen der Brüder Grimm*. Bd. 4. Hildesheim, G. Olms, 1963. 487 S. (In German)
- 8 Fauquier, Michel. *Aux sources de l'Europe*. Vol. 2: Les temps modernes. Perpignan, Tempora, 2010. 475 p. (In French)
- 9 Prato, Stanislas. "Formules initiales et finales des contes populaires Grecs avec les références des contes néo-Latins." *La Tradition: revue générale des contes, légendes, chants, usages et arts populaires*, vol. 4, no. 9/10. Paris, 1890, pp. 257–267. (In French)
- 10 Rosset, Clément. *Le démon de la tautologie*. Paris, Minuit, 1997. 96 p. (In French)